

либерал ■ ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
--------------------	---

ТЕОРИЯ

Эволюция этнополитологических концепций

1. Политический контекст генезиса этнологических терминов и понятий	32
2. Современные концепции этничности	52
3. «Нация», «этнос» и «этничность»: трактовка в рамках плюралистической методологии	69
4. Этнополитические процессы: новые подходы к анализу	90
5. От государства имперского типа к государству-нации: новые подходы к анализу транзита и его российские особенности	121

ИСТОРИЯ

«Этнополитический маятник»: крутые перемены в истории национальной политики и в динамике национального самосознания

Вводные замечания	152
6. Ленин и Сталин: первые проявления маятника «беспринципности» в советской национальной политике (1913–1948)	156
7. Управляемая ненависть: государственный антисемитизм (1948–1953)	172
8. Эпоха «этнополитической оттепели»: хрущевский период (1953–1964)	192
9. Эпоха застоя: прелюдия распада СССР (1964–1985)	212
10. Постсоветская Россия: «парад суверенитетов» и федеративные соглашения (1990–1994)	235
11. «Обратная волна»: этнополитические факторы реверсивных процессов в российском обществе (1994–1996)	271

12. Новая «старая» стратегия: «восстановление вертикали власти» (1999—начало 2000-х)	284
13. Основные этапы и региональные особенности динамики федеративных и межэтнических отношений в постсоветской России.	302

ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ
Перспективы обновления идей национальной
политики России

14. Основные модели управления культурным разнообразием (УКР) в эпоху современной глобализации	324
15. Перспективы обновления идей национальной политики	336
16. Интеркультурализм в России. Малоизученные практики самоорганизации городских сообществ	341
Заключение	350
Список литературы	361
Указатель имен	383

Введение

В таких полиэтнических государствах, как Российская империя, Советский Союз и постсоветская Российская Федерация, взаимоотношения множества этнических сообществ между собой и с политическими субъектами (властью, партиями, движениями, лидерами и др.) всегда оказывали и оказывают сегодня заметное влияние на политические процессы. Не случайно этнополитическая тематика многообразно проявляется в жизни страны как раздел государственного управления («национальная политика»), как важная часть отечественной политической истории и как предмет теоретических исследований в рамках разных научных дисциплин: этнологии, политологии, русистике, политической истории государства и др. В России сложилась и особая научная дисциплина — *этнополитология*, одних лишь учебников по этому предмету выпущено около десятка¹. Эта дисциплина, как бы ее ни определяли в учебниках, так или иначе связана с изучением связи и взаимной обусловленности политических процессов, с одной стороны, и этнических, а также национальных — с другой. При этом мы подчеркиваем

¹ Абдулатипов Р. Г. Этнополитология. М.: Питер, 2004; Ачкасов В. А. Этнополитология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005; Он же. Этнополитология: Учебник для бакалавров. 2-е изд. М.: Юрайт, 2014; Красова Е. Ю. Этнополитология: Учебно-методическое пособие по спецкурсу. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005; Садохин А. П., Шабаетов Ю. П. Этнополитология. М.: Юнити, 2005; Шелистов Ю. И. Этнополитология. М.: МГУ, 2006; Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2011; и др. До этих учебников вышла монография: Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004, которая использовалась автором как учебное пособие в преподавании дисциплины «этнополитология» в НИУ «Высшая школа экономики».

различия, ускользающие от внимания многих авторов, между этническими и национальными явлениями.

В 1980-х годах академик Ю. В. Бромлей разработал детальную классификацию этнических и антисоциальных процессов, применимую и к процессам этнополитическим. В качестве основания для классификации всех этих процессов академик выделил их функции разделения (сепарации) и объединения (интеграции)¹. После распада СССР исследователи в России и других странах постсоветского мира, в силу понятных исторических причин, сосредоточились в основном на изучении лишь одной разновидности этих процессов — дезинтеграционной, пытаясь понять и объяснить причины распада Советского Союза, возникновения этнополитических конфликтов и роста этнополитического экстремизма в новых независимых государствах. Со временем в условиях политической стабилизации сформировалась общественная потребность в развитии теории этнополитической интеграции. С каждым годом росла и все больше осознавалась необходимость использования научного анализа для совершенствования национальной политики, корректировки ее целей, адекватного определения ее ресурсов и механизмов.

Практическая актуальность этой задачи как будто бы не требует доказательств, поскольку подтверждена на высшем государственном уровне созданием *Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации*² и принятием «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года»³. Вместе с тем такая институционализация национальной политики, разумеется, не исчерпывает научное понимание этой проблемы. Это сложная задача хотя бы потому, что ее трудности начинаются уже в попытках определения самого термина «национальная политика». Такая политика может трактоваться

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 235.

² Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ — совещательный и консультативный орган при главе государства. Образован 5 июня 2012 г. во исполнение указа Владимира Путина от 7 мая 2012 г. «Об обеспечении межнационального согласия». URL: <https://sovetnational.ru/sovnet/>.

³ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>.

чрезвычайно широко, как синоним всей государственной политики России (подобная широкая трактовка этого термина характерна для США, но все чаще используется и в политическом, в том числе официальном, дискурсе России¹), или весьма узко, например только как регулирование межэтнических отношений или поддержка этнокультурного развития народов.

Мы выбираем некий промежуточный подход по широте охвата предмета национальной (этнонациональной) политики, считая основной целью такой политики формирование гражданской нации в Российской Федерации, а также связанную с этим необходимость разработки и реализации государственных программ гражданской интеграции этнических общностей в рамках демократического, правового, федеративного государства. В таком понимании национальная политика России, на наш взгляд, еще не сложилась — по крайней мере, в реальной практике (об этом мы поговорим в первой, теоретической, и в третьей, посвященной управлению культурным разнообразием части данной монографии), поэтому чрезвычайно актуальны исследования возможных направлений формирования гражданской нации в России.

Необходимость наполнения национальной политики новым содержанием, соответствующим задачам политической модернизации российского общества, значительно повышает практическую и теоретическую актуальность исследований современных этнополитических процессов. Их актуальность определяется также:

— важностью роли этнополитических процессов в таком многонациональном государстве, как Россия, устойчивое развитие

¹ Такая трактовка вытекает, например, из официального российского толкования понятия «национальные интересы», под которыми понимается «совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» (Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»). Характерно, что и стратегия государственной национальной политики до 2025 г., в новейшей ее редакции 2018 г., определяет ее как документ «стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации» (Пункт 1 Указа Президента России от 6 декабря 2018 г. № 703. URL: <https://base.garant.ru/72120010/>).

и сохранение целостности которого во многом зависит от состояния и характера межэтнических отношений;

— своеобразием этнополитической истории России по сравнению со странами, на примере которых вырабатывались классические концепции политического транзита;

— высокой динамичностью этнополитических процессов, требующих постоянного внимания и новых объяснений происходящих перемен, проявляющихся не только в сравнении постсоветской России с советским временем, но и при сопоставлении еще более коротких исторических периодов, например двух постсоветских периодов, охватывающих время лидерства двух первых президентов РФ.

Те или иные научные направления этнополитологии привлекли немало известных исследователей. Среди них: Р.Г. Абдулатипов, В.А. Авксентьев, А.С. Ахиезер, О.И. Вендина, М.С. Джунусов, Л.М. Дробижева, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Иванов, В.С. Малахов, В.А. Михайлов, В.И. Мукомель, А.А. Попов, Е.И. Степанов, Э.И. Скакунов, В.А. Тишков, Э.Н. Ожиганов, А.А. Язькова и многие другие¹.

Растущее число этнополитических исследований уменьшает зону непознанного или необъясненного при изучении этнополитических процессов в развитии СССР и современной России,

¹ *Абдулатипов Р.Г.* Этнонациональная политика в Российской Федерации. Концепции, практика, реализация, перспективы. М.: Классик-Стиль, 2007; *Авксентьев В.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001; *Ахиезер А.С.* Культурные основы этнических конфликтов // *Общественные науки и современность.* 1994. № 4. С. 115–126; *Вендина О.И., Паин Э.А.* Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018; *Джунусов М.С.* Методологическое введение к изучению социально-политических и межнациональных конфликтов. М., 1991; *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997; *Паин Э.А.* Этнополитический маятник; *Он же.* Между империей и нацией. М.: Новое издательство, 2004; *Попов А.А.* Причины возникновения и динамика развития конфликтов // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах.* М., 1997. С. 273–297; *Ожиганов Э.Н.* Сумерки России. М., 1996; *Степанов Е.И.* Конфликтология переходного периода. М., 1996; *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Наука, 1997; *Червяков В., Шапиро В., Шереги Ф.* Межнациональные конфликты и проблемы беженцев. Ч. 1, 2. М., 1991; *Язькова А.А.* Национально-этнические проблемы (российский и мировой опыт их регулирования). М., 2003.

но вместе с тем новые исследования поднимают и новые вопросы. Они затрагивают многочисленные научные проблемы, такие как: дискуссионность этнополитической терминологии; соотношения этнических и политических компонент в этнополитологии; проблемы методологии их изучения; проблемы управления этнополитическими процессами. Чаще всего различные аспекты этнополитологии изучаются «в розницу», в отрыве друг от друга, что уменьшает целостность и глубину понимания этой проблематики. Этим в значительной мере определяется мотивация автора в написании настоящей книги, направленная на решение следующих задач:

— провести аудит основных дискуссионных вопросов в сфере этнополитологии. Разумеется, речь не идет об исчерпывающем и всестороннем аудите, а только об авторском его видении, с позиций интересов, которые успели сложиться за более чем 40 лет деятельности автора как академического ученого, преподавателя университета и советника президента России (1996–1999) по этнонациональной политике;

— сопоставить выводы автора конца 1990-х и начала 2000-х годов с результатами исследований последующего двадцатилетия и определить, какие идеи оказались релевантными нынешней этнополитической ситуации в России, а какие требуют уточнения или пересмотра;

— рассмотреть с единых концептуальных позиций три проекции этнополитических исследований: теорию этнополитических процессов; историю национальной политики СССР и постсоветской России и, наконец, ее современную практику и перспективы.

Попытка обобщения, не говоря уже о «замахе» на синтез существующих в этнополитологии подходов, наталкивается на множество теоретических преград. Прежде всего, многое зависит от тех теоретических установок относительно сущности этничности и нации, которыми руководствуется исследователь. Мы увидим, насколько значительными были и остаются расхождения взглядов в продолжающейся дискуссии как о сущности этноса и этничности, так и о концепции нации. Далее, возможность обобщения взглядов на сущность и содержание этнополитологии зависит от устанавливаемых исследователем рамок

предметной области данной дисциплины, а они варьируются от крайне узких до безмерно широких.

В настоящем введении к книге мы попытаемся обозначить основные научные проблемы, которые в ней рассматриваются.

*Что понимают под этнополитологией
и каковы ее концептуальные основы?*

В мировой науке можно выделить три наиболее распространенные точки зрения на предмет и содержание этнополитологии. Можно выделить три наиболее распространенные ее характеристики: этнополитология 1) изучает историю зарождения и развития этнополитической мысли; 2) формирует теории, модели и концептуальное разъяснение для этнической политики; 3) рассматривает только современные этнополитические явления и процессы.

Впрочем, отмеченные характеристики вовсе не исчерпывают всех трактовок сущности этнополитологии, которые предлагались учеными. Например, к узким трактовкам содержания этой науки тяготел один из ее основоположников Майкл Паренти, сводивший функции этнополитологии (Ethnopolitics) лишь к исследованиям связей между этнической принадлежностью людей и их политическими ориентациями¹. К сторонникам узкой трактовки можно также отнести одного из наиболее известных этнополитологов XX века Джозефа Ротшильда. В своей фундаментальной монографии «Этнополитика: концептуальные рамки» он определил цели науки только как анализ процессов этнополитического ренессанса и изучение роли политизированных этнических групп в политической жизни страны и мира в целом². Другой известный ученый, Пьер Ван ден Берге, видел основной смысл этнополитологии исключительно в изучении отношений между государством и этническими меньшинствами³. Большая

¹ Parenti M. Ethnic Politics and Persistence of Ethnic Identification // American Political Science Review (APSR). 1967. Vol. 61. № 3.

² Rotshild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York, 1981.

³ Van den Bergh P. Protection of Ethnic Minorities: A Critical Appraisal // Protection of Ethnic Minorities. New York, 1981.

группа известных ученых (среди них Карл Дойч, Энтони Смит, Хью Сетон-Уотсон и др.) не использовали применительно к своим трудам ни термин этнополитология, ни более привычный для англоязычной научной литературы термин этнополитика, но фактически изучали этот предмет, ограничивая его исследованием различных форм нации и национализма в их взаимоотношениях с государством¹.

Однако узкие трактовки господствовали преимущественно в 1960–1980-х годах. Позднее предметная зона этнополитологии стала расширяться и углубляться, что заметно по истории публикаций в этой области знаний: чем ближе год их выпуска к нашему времени, тем шире представленная в них трактовка предмета исследований. Начиная с 1990-х годов большинство авторов включают в предмет этнополитологии не только проблемы меньшинств, наций и национализма, но и всевозможные разновидности социальных, культурных и политических процессов, субъектами которых выступают этнические сообщества различного таксономического уровня, включая и надэтнические, локально-цивилизационные сообщества. Активность разнообразных этнополитических акторов рассматривается как на национальном, так и на международном уровне, во взаимоотношениях с различными типами политических систем².

Автор данной монографии был и остается приверженцем широкой трактовки предмета этнополитологии и определяет его как сочетание двух взаимосвязанных и комплементарных подходов³. Первый — «от этничности к политике» — подразумевает исследование этнических особенностей социальных и политических субъектов и их влияния на политику. Второй — «от политики к этничности и нации» — предполагает изучение влияния политических явлений и процессов на этническую динамику; межэтнические отношения и национальное строительство.

¹ *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, MA, 1953 (2-е изд. 1966); *Seton-Watson H.* Nations and States. London, 1977; *Smith A.* Theories of Nationalism. London, 1971.

² *Kellas J.* The Politics of Nationalism and Ethnicity. London, 1991; *Esman M.J.* Ethnic Politics. Ithaca, 1994.

³ *Паун Э.А.* Этнополитический маятник. С. 15.

Этнополитология изучает отношения трех видов: 1) между этническими общностями и политическими субъектами (государством, партиями, персонами); 2) между разными этническими общностями; и, наконец, 3) между индивидуальными акторами внутри этнической общности, в той мере, в какой эти отношения опосредованы социально-политическими факторами¹.

Этнополитология сегодня представляет собой междисциплинарное научное направление, предметная зона которого лежит на пересечении нескольких наук, прежде всего политологии, социологии и этнологии. Это направление сложилось сравнительно недавно, и, возможно, уже сама новизна предмета, отсутствие устоявшихся взглядов обусловили огромное разнообразие мнений относительно природы и содержания этнополитических явлений.

Сама классификация этнополитологических концепций представляет собой самостоятельную теоретическую проблему в силу разнообразия критериев такой классификации. Одни авторы классифицируют этнополитические течения и школы по принципу универсализма и релятивизма их исторического подхода; другие выделяют объективизм или субъективизм концепций; третьи классифицируют этнополитические концепции по их отношению к феноменам этничности и нации². Последний подход самый популярный и распространенный, и именно он используется в большинстве учебников.

В данной работе для анализа этнополитических концепций используется иной, историко-генетический подход, располагающий различные концепции на исторической шкале — от древних античных идей до современных концепций. Таким образом, ученые, эксперты и широкий круг читателей получают возможность не только проследить истоки возникновения основных этнополитических доктрин, но и увидеть взаимосвязь и, по большей части, комплементарность идей, многие из которых рассматривались современниками как антагонистические.

¹ На это определение Э. Паина ссылаются в некоторых учебниках, см., например: Ачкасов В. А. Этнополитология: Учебник для бакалавров. С. 14.

² Об этом подробнее см., например: Марченко Г. И. Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 1995. № 1. С. 5–15.

О роли этнонациональных факторов в политической трансформации Советского Союза

Этнополитическая проблематика в той или иной мере присутствует в подавляющем большинстве научных работ о политической истории СССР и России. Однако это присутствие, как правило, не явное. В политологических и исторических работах чаще всего не анализируются этнические и национальные особенности социально-политических процессов. Характерный тому пример — начавшаяся в 1980-х годах и длящаяся по сей день грандиозная дискуссия о роли национализма в распаде империй, в том числе на материалах СССР и России, в большинстве рассуждений которой игнорируются этнические особенности национализмов, например русского, грузинского, осетинского, литовского или молдавского¹. В то же время в работах этнологов, посвященных социально-политическим проблемам, чаще всего ограничена политологическая перспектива, в частности отсутствуют объяснения различий между управляемыми и саморазвивающимися процессами². Вследствие таких методологических недостатков остаются непонятыми и, зачастую, слабо отрефлексованными многие важные научные проблемы, например причины и региональные особенности

¹ См., например: *Карпер д'Анкокс Э.* Расколотая империя. Лондон: ОРІ, 1982; *Brzezinski Z.* Post-Communist Nationalism // *Foreign Affairs*. Vol. 68. № 5 (Winter, 1989). P. 1–25; *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917–1991 гг. М.: Вагриус, 1994; *Швейцер П.* Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / Пер. с польского. М.: Авест, 1995; *Суни Р.Г.* Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // *Национализм в мировой истории* / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Наука, 2007; *Мотиль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004; *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, CT, 2000; *Бейссингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 35–88.

² См., например: *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России; *Губогло М.Н.* Переломные годы. Т. 1: Мобилизованный лингвизм. М., 1993; *Чешко С.В.* Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭ РАН, 2000; *Шнирельман В.А.* Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // *Язык и этнический конфликт* / Под ред. М.Б. Олкотта, И. Семёнова. М.: Гендальф, 2001; и др.

последовательного роста в послевоенном Советском Союзе как стихийного этнического протеста, так и политически организованного национализма. Менее всего изучены причины *этнизации* (роста этнической окрашенности) и политизации социального протеста в период правления Л. И. Брежнева в сравнении с предшествующим периодом — временем Н. С. Хрущева. В постсоветское время волны подъема и спада национальных движений развивались в обратной последовательности: они достигли апогея в 1990-х годах и стали затухать в 2000-х. Завершится ли на этом волнообразный процесс этнополитической активности?

В данной книге автор ищет ответы на перечисленные вопросы и, пожалуй, впервые в российской литературе предлагает классификацию взаимоотношений национальных движений и властей (федеральной и региональных) в постсоветское время. Некоторые из этих взаимоотношений привели к постепенному ослаблению национальных движений, а другие, напротив, завершились прорывом национальных движений во власть отдельных республик России.

Проблема двух типов вообразяемых сообществ (этносов и наций), особенностей идентичности (этнической и национальной), а также связанных с этим различий типов политической мобилизации

Термины *нация* и *этнос*, как и производные от них *этничность* и *национальность*, *межэтнические* и *межнациональные отношения*, появились в научном и политическом дискурсе России в разное время. Изменения в терминологии отражают не только перемены научных подходов в этнологии и политической науке, но и, как будет показано в этой книге, идейные столкновения разных политических сил. Однако в современной исторической и политологической литературе, в той или иной мере затрагивающей взаимоотношения разных народов между собой и с государственной властью, эти термины не различаются, а используются как синонимы. В таких работах крайне редко проводится различие между этническими и национальными типами общностей, а разные виды консолидации (этническую

и национальную) чаще всего называют одним термином — *национализм*. Такое невнимание к концептуальным деталям сильно затрудняет, на наш взгляд, возможность понимания разных механизмов и компонентов трансформации многосоставных государств, в частности особой роли этнокультурных и национально-политических факторов.

Оба типа сообществ — этнические и национальные — являются воображаемыми в терминологии Бенедикта Андерсона, поскольку складываются в результате идентификации людей с неким воображаемым «мы». Исторически первичное, этническое «мы» опирается на воображение, чаще всего мифологическое или, точнее, мифологизированное, об общем историческом происхождении, общей культуре, особом и общем этническом языке народа, а возникшее намного позднее национальное «мы» связано с представлением об общем гражданстве, народном суверенитете и праве народа (нации) на политическое самоопределение в конкретном государстве.

В нашей книге анализируются разные роли этнической идентичности в самосознании этнических меньшинств и этнического большинства, а также различия в уровне завершенности формирования национально-политического самосознания общества в Советском Союзе и современной России.

Автор книги исходит из представления о том, что к настоящему времени в России еще не сложилась гражданская нация, прежде всего в том смысле, что гражданское общество не стало ведущей силой в политической системе. Россия не стала «обществом, овладевшим государством»¹. Эта моя позиция вызывает споры: одни известные ученые с ней солидарны, другие оспаривают ее, а третьи принимают частично². В то же время по вопросу об этнической (в традиционном дискурсе об «этнонациональной») идентичности и этнической консолидации значительных разногласий среди академических ученых не наблюдается. Общеизвестно, что большинство крупнейших

¹ Паин Э.А., Федюнин С.Ю. *Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием*. М.: Мысль, 2017.

² Подробнее об этой дискуссии см.: Дробизева Л.М. *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. М.: Новый хронограф, 2013. С. 24–27.

народов Российской Федерации прошли стадию этнонациональной консолидации. Это значит, что у этих народов единое этническое самосознание или полностью вытеснило архаичное родо-племенное, или, по крайней мере, стало более значимым в сравнении с самосознанием остатков родовых или племенных сообществ, таких как тейпы и тухумы (у ряда народов Северного Кавказа), а также субэтнические локально-земляческие и региональные объединения. В советское время десятки народов обрели статус титульных этнонаций, самоназвания (этнонимы) которых используются в наименовании государств или внутренних этнотерриториальных автономий (в России это республики, автономные округа и автономная область)¹. Этнонациями называют и народы (этнические общности), языки которых признаны государственными, хотя в названиях (титулах) территориальных автономий они не отражены (например, абазины в Карачаево-Черкесской Республике, аварцы и другие народы Дагестана)².

Итак, в данной книге используются два различных понятия — *этнонация* или *этнос*, с одной стороны, и *политическая нация* или просто *нация*, отличная от этноса, — с другой. Далее мы выделяем две разновидности политической нации — *этактистскую* (государственническую) и *гражданскую*, или *нацию граждан*, основанную на идее народного суверенитета и политического участия. Мы также предлагаем различать *этнический* и *национальный виды мобилизации*. Первый вид мобилизации связан с этнической идентичностью и солидарностью и обладает рядом свойств, которые анализируются нами на основе теории «социальных границ» Фредрика Барта³. Национальная же мобилизация опирается на гражданскую или *этактистскую* (государственническую) идентичность и на политические факторы активизации коллективных общностей. Например, национальная мобилизация в ходе войны может охватывать людей с *разной этнической идентичностью*. В книге ставится

¹ Тишков В. А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 296.

² Там же.

³ Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / Под ред. Фредрика Барта. М.: Новое изд-во, 2006.

задача проанализировать особенности обеих разновидностей мобилизации в зависимости от типа политической культуры, сложившейся у разных народов к настоящему времени в тех или иных регионах страны. Мы также различаем разные типы национализма — этнический и гражданский (хотя на практике они зачастую переплетаются), и применительно к российскому контексту солидарны в этом с позицией выдающегося этносоциолога Л. М. Дробижевой¹.

*Об устойчивых особенностях этнополитических
условий в России, феномене многосоставного
государства и его разновидностях*

Некоторые исследователи предлагают называть Россию *много-составным государством*, с точки зрения типа государственно-го устройства, который сложился во времена, когда она была основой Российской империи, сохранялся в Советском Союзе и существует в нынешней Российской Федерации². Эта дефиниция представляется нам информативной, удобной для описания российского типа государственного устройства, характеризующегося не только высокой этнической мозаичностью (почти две сотни народов проживают в России, так же как и в СССР по переписи 1926 года³), но и наличием исторически сложившихся этнических территорий, за некоторыми из которых закреплён особый административный статус национально-территориальных автономий. Концепт сложносоставного государства применим ко всем политиям с ярко выраженными этнотерриториальными автономиями, даже в тех случаях, когда на долю одного из народов, этнического большинства страны, приходится свыше 80% численности населения (доля русских в России)

¹ Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. С. 25.

² Многосоставные государства: опыт и перспективы развития: Сб. ст. / Под ред. А. Ю. Саломатина. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019.

³ Словари национальностей Всесоюзной переписи населения 1926, 1937, 1970 и 1979 гг. // Демоскоп Weekly. 2014. № 521–522. Апрель. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0591/chit_zaloi.php.

или даже свыше 90% (доля ханьцев в Китае). И в этих случаях у всех многосоставных государств проявляется однотипная проблема — проблема поддержания территориальной целостности страны в случаях, когда у населения автономий формируются сепаратистские настроения. Понятно, что такая специфика сложносоставных государств обуславливает сходство целей государственной этнонациональной политики.

Нельзя сказать, что исследователи этнополитических процессов не обращали внимания на специфику России как сложносоставного государства (хотя и не всегда называли ее так), однако сложились определенные диспропорции в преимущественном анализе лишь одной из разновидностей государств этого типа, а именно имперских государств. При этом внимание многих исследователей было приковано в основном к «гибели империй», к анализу причин их дезинтеграции и к изучению причин автономизации и национального самоопределения¹. Сама «гибель империи» чаще всего сводилась к упрощенному предположению о том, что их распад является прямым ответом на имперское угнетение «малых народов». Понятно, что эта гипотеза неадекватно отражает реальную ситуацию распада как Российской империи в 1917–1918 годах, так и Советского Союза в 1990–1991-м, хотя бы потому, что первыми из этих составных государств вышли отнюдь не самые угнетаемые сообщества. Примером служат Финляндия в начале прошлого века и Балтийские республики (Латвия, Литва и Эстония) в начале 1990-х годов, представлявшие собой наиболее развитые как в экономическом, так и в социально-культурном отношении этнические территории составного государства. В политологической литературе крайне редко анализировался факт чрезвычайной исторической устойчивости империй, которые до своего распада успевали просуществовать века, а иногда и тысячелетия.

В данной книге мы сосредоточиваем внимание не столько на «гибели империи», сколько на высокой исторической

¹ Brzezinsky Z. Post-Communist Nationalism; Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006; Мотыль А. Пути империй...

устойчивости некоторых свойств составных государств имперского типа. Мы исходим из того, что современная Россия является сложносоставным государством, в устройстве которого переплетены федеративные и имперские черты и элементы. Соотношение этих черт подвижно и меняется не только в длительной исторической перспективе, но и на протяжении постсоветского периода существования страны.

*История национальной политики: необходимость
дополнения политологических обобщений конкретикой
исторического анализа*

Наблюдения автора монографии как исследователя российского исторического опыта регулирования межэтнических и межрелигиозных отношений привели его к выводу о невозможности выделить единый и непротиворечивый тип государственной политической стратегии в отношении этнонациональной политики. Неоднократные попытки выделить стадийные модели национальной политики, соотносимые с разными эпохами — «имперская модель», «советская модель» и «современная российская модель», — оказались безуспешными и показали, что даже при самом обобщенном анализе заметны большие, а порой и радикальные изменения содержания таких моделей на разных этапах их реальной трансформации¹. Советские колебания национальной политики (заметные не только при сравнении времени правления разных лидеров страны, но даже и внутри одной лишь сталинской эпохи) были радикальными и весьма противоречивыми. Постсоветская Россия также представляет собой пример реализации разных и во многом противоположных политических стратегий.

Такие колебания обусловили и принципиальные различия в оценке национальной политики историками, политологами, этнологами и другими специалистами, в профессионализме которых не приходится сомневаться. Например, Абдурахман

¹ Об этом подробнее см.: Вендина О.И., Паин Э.А. Многоэтничный город... С. 8.

Авторханов, историк, исследователь советского периода и одновременно бывший партийный функционер, считал, что главной целью советской политики в отношении национальных меньшинств была их колонизация, ассимиляция и русификация. Он приводил многочисленные факты в доказательство своих выводов¹. В то же время известный американский историк Терри Мартин пришел к прямо противоположному заключению, и также не без весомых оснований. Он показал, что СССР был единственной в мире империей, которую можно было назвать *affirmative action empire* («империя позитивной дискриминации»), поскольку здесь в 1920–1930-х годах создавались привилегированные, преимущественные условия как раз для национальных меньшинств². В это время повсеместно (а в отдельные периоды и в некоторых регионах также и в 1940-х, 1950-х и даже в 1970-х годах) проводилась политика коренизации, состоявшая в продвижении на руководящие посты в советских республиках представителей национальных меньшинств, внедрении их национальных языков в делопроизводство и образование, поощрении издания книг, газет и журналов на этих языках³. В 1937 году политика коренизации была свернута, а на смену ей пришла политика репрессий по отношению к этническим и религиозным меньшинствам.

Наша гипотеза состоит в том, что подходы Авторханова и Мартина лишь кажутся взаимоисключающими, а в действительности дополняют и сменяют друг друга применительно к отдельным периодам времени, поскольку вся советская национальная политика развивалась волнообразно и напоминала действие маятника — «этнополитического маятника». Вся вторая часть монографии («История») посвящена верификации этой идеи и дискуссиям вокруг нее.

¹ Авторханов А. Г. Империя кремля. Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus, 1998. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/avtorkhanov_imperiya_kremlya_1988__ocr.pdf.

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / Пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011.

³ Советская национальная политика: идеология и практики 1945–1953. Серия: Документы советской истории / Отв. сост. О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2013. С. 335–339.

Впервые идею этнополитического маятника автор высказал в 2004 году¹. Через 12 лет термин «маятник» применительно к проблематике национальной политики был использован в коллективной публикации петербургских политологов А. Н. Щербака и его коллег². В 2018 году А. Щербак и коллеги развили свою идею, соединив проблемы внутренней и внешней политики СССР³. В данной монографии автор выражает сомнения в релевантности и доказательности гипотезы моих петербургских коллег о механизме действия «маятника» национальной политики, но одновременно пересматривает и свою позицию 2004 года. Тогда мы рассматривали идею маятника как модель, отражающую колебания (крутые и частые перемены) отношения государства к этническому большинству и меньшинствам и, одновременно, последовательную смену политической активности большинства и меньшинств. Ныне же нам стало понятно, что явления, которые я называл «этнополитическим маятником» в нулевые годы, оказались не столь уж циклическими (маятниковыми), а возможности объяснения их с использованием строгой модели маятника весьма ограничены. Именно поэтому второй раздел данной книги написан в жанре конкретного исторического анализа, а не политологического обобщения, нуждающегося в моделировании, и сосредоточен на анализе содержания тех радикальных, беспрецедентных для мировой истории колебаний в национальной политике, которые проявлялись в разные периоды истории Советского Союза и постсоветской России.

Трудно сказать, насколько исторический жанр удался автору, но в этой части книги мы попытались привлечь новый материал об истории национальной политики СССР и постсоветской России. Эти новые исследования указывают на более сложный, чем казалось ранее, характер перемен в советской и постсоветской политике федерализации и в государственных стратегиях

¹ Паин Э. А. Этнополитический маятник. Ч. IV. С. 195–261.

² Щербак А. Н., Болячевец Л. С., Платонова Е. С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 101–122.

³ Щербак А. Н. и др. Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Полития. 2017. № 3 (86). С. 99–116.

по отношению к меньшинствам; по-новому в нынешней работе оценивается и политика послевоенного государственного антисемитизма (1948–1953), а также особенности этнонациональной политики периодов Хрущева, Брежнева, Ельцина и Путина. Все это привело нас к мысли о том, что «этнополитический маятник» — это не столько исследовательская модель, сколько метафора, обозначающая периоды значительных колебаний в национальной политике и, шире, в этнополитических процессах, природа которых еще требует уточнения. Поэтому одна из основных научных задач данной работы как раз и состоит в том, чтобы проанализировать конкретные и изменяющиеся механизмы таких колебаний в истории СССР и постсоветской России, прежде всего по отношению к центральному для составных государств вопросу — вопросу о поддержании или разрушении (как осмысленном, так и неосмысленном, «нечаянном») целостности государства, а также об отношении к государственной политике поддержки меньшинств и к федерализму. Недостаточная информативность объяснений этой специфики на основе политологических обобщений привела нас к идее соединения политологического анализа с историческим анализом конкретных событий.

Управления этнополитическими процессами как научная проблема

Проблема управления этнополитическими процессами в той или иной форме затрагивается во всех трех частях монографии, но третья часть сфокусирована на обобщении особого направления в исследованиях автора, связанного с анализом эволюции моделей управления межэтническими и межконфессиональными отношениями¹. Особое внимание в этом

¹ Паин Э. Управление культурным разнообразием в городах: новая парадигма в регулировании этнополитических отношений в России // Государственная служба. 2016. Ноябрь–декабрь. № 106. С. 66–73; Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием; Pain E. Regional and National Diversity as a Factor of Public Administration Theory Development: Problem Statement // Public Administration Issues. 2015. Special issue. P. 34–49; и др.

разделе уделено современной проблематике государственного управления. Анализ основных документов государственного управления в сфере этнополитики, прежде всего «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года», показывает, что усилия по укреплению властной вертикали неорганично сочетаются с задачами формирования гражданских горизонтальных отношений. Идея становления политической нации (российской нации) пока плохо соотносится с ее сугубо этническими трактовками, традиционными для России, которые явно преобладают даже в новейших документах государственного стратегического планирования. Неорганично соединены в Стратегии три принципиально разных теоретических принципа. Гражданский принцип, предполагающий «упрочение общероссийского гражданского самознания», равноположен принципу мультикультурализма, т. е. принципу «сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России». Оба они соседствуют с цивилизационными схемами, представленными концепцией «особой роли» русского народа в создании Российского государства, идеями «единого культурного (цивилизационного) кода» и особой духовности. При сравнении двух документов — Концепции государственной национальной политики 1996 года и Стратегии 2012 года — видно сужение предметного поля национальной политики. Вопрос о федерализме, ключевой для «национальной политики» 1990-х годов, существенно меньше представлен в новой Стратегии.

Основной пафос раздела «Управление» в данной книге состоит в демонстрации несоответствия между сложившимися к началу XXI века этнополитическими тенденциями в России (они все больше напоминают тенденции, характерные для стран «глобального Севера») и сохранением во многом советских черт этнонациональной политики. Большая же часть раздела посвящена анализу возможности применения в России новой для нашей страны модели управления культурным разнообразием («интеркультурализма»), опорой для которой могут стать существующие, но малоизученные механизмы самоорганизации территориальных сообществ, прежде всего городских.

Особенности методологического подхода автора

С середины XX века содержание и динамика современных этнополитических процессов чаще всего рассматривались в политологии в рамках теории модернизации и вытекающей из нее концепции политического транзита. На основе теории модернизации развивались исследования проблемы *nation building* («строительства нации» или «национального строительства»), понимаемые прежде всего как процесс совершенствования взаимоотношений государства и общества, развития горизонтальных связей между этническими общностями и формирования у них определенных форм ценностного единства в рамках одной полиэтнической страны.

Именно в понятийном аппарате модернистских концепций национальной политики особое внимание придается различению понятий «этничность» и «нация». Первое из них рассматривается как продукт *социально-культурной эволюции* этнических общностей, главным образом развития отношений, связанных с формированием и осознанием социальной границы между «мы» и «они»¹. Подобный подход отразил Томас Х. Эриксен в своем определении: «Этничность — аспект социального взаимодействия между людьми, считающими себя культурно отличными от других групп»². Еще большее внимание модернизм уделял исследованию наций и национализма. В таких теориях нация рассматривается как результат исторической эволюции *социально-политических отношений между обществом и государством*, как продукт исторической эволюции организации социума: от имперского типа — к национальному. При этом мы рассматриваем и альтернативные подходы, оспаривающие целесообразность использования дихотомии «империя — нация», оставаясь в рамках модернистского подхода к осмыслению нации.

1970–1980-е годы стали временем критики модернистского подхода, по крайней мере той его версии, которая предпола-

¹ См.: *Ethnic Groups and Boundaries* / F. Barth ed. Bergen, 1969; см. также: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 56.

² *Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. London, 1993. P. 12.*

гала последовательно-линейное, исключительно «прогрессивное» развитие. В эти годы были выявлены существенные ограничения такого взгляда на развитие общества, в том числе применительно к этническим процессам. Во-первых, такие процессы подвержены волновым колебаниям (флуктуациям), и вся мировая история представляет собой череду разделительных и объединительных тенденций, сменяющих друг друга во взаимоотношениях разных племен, народов, языковых групп и религий. Во-вторых, наряду с универсальностью (основным предметом модернистских концепций) в этничности сохраняются некоторые устойчивые культурные особенности этносов. Этнические языки сохранялись веками, а самоназвания народов (этнонимы) прослеживаются иногда на протяжении тысячелетий. Исторически устойчивыми могли быть и специфические термины, обозначающие этнически «чужих» или людей своей национальности, но воспитанных в иной этнической культуре. Таковы, например, термины «гой» у евреев и «гаджо» — у цыган. Многие десятилетия могут удерживаться этнические стереотипы, при этом стандартные описания своего народа обычно позитивные, а стереотипные описания, образы других народов чаще бывают негативными, граничащими с фобиями¹.

С давних времен эволюционному, модернистскому подходу в этнологии, акцентирующему внимание на общих закономерностях развития культуры, противостоит антропогеографический, локально-цивилизационный подход, подчеркивающий своеобразие и разнообразие локальных культур и цивилизаций, — это концепции Фридриха Ратцеля, Николая Данилевского, Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби, Клода Леви-Стросса и др. Впрочем, в конце 1990-х — начале 2000-х годов проявились попытки объединить оба подхода.

Одна из наиболее плодотворных попыток синтеза принадлежит выдающемуся израильскому философу Шмуэлю Эйзенштадту, обосновавшему идею объединения двух подходов в своей теоретической концепции *множественной современности*

¹ См.: Паин Э. Динамика ксенофобии в эпоху популизма: опыт макро-социального анализа // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. Т. 127. № 3–4. С. 19–23.

(multiple modernities)¹. В этом отношении также заслуживает внимания и концепция *неомодернизма*, сложившаяся на рубеже XX–XXI веков в философии и социологии. Наиболее последовательно и убедительно она изложена в трудах Ральфа Дарендорфа, Эдварда Тирикьяна, Петра Штомпки и др.² Эта концепция признает многообразие форм культуры и допускает некоторые различия траекторий культурной и политической трансформации, что позволяет выйти за рамки сугубо эволюционных, однолинейных подходов к модернизации. Неомодернизм дает возможность объединить универсалистский взгляд на этнополитическое развитие с идеями локальных особенностей этнических и национальных культур.

С теорией неомодернизма хорошо согласуются и синтетическая концепция нации Э. Смита, а также плюралистическая концепция этничности, которой придерживается автор данной книги.

Итак, ниже будет высказана авторская позиция о роли этнических и национальных факторов в политическом развитии России, с опорой на методологию синтетического (плюралистического, полипарадигмального) подхода к изучению этнических и национальных процессов.

Применительно к данной работе суть плюралистического подхода, пронизывающего все три части книги (теоретическую, историческую и прикладную), выражается в попытке выявить взаимодополнительность в концептуальных парадигмах, рождавшихся в ходе научной и идейной конкуренции и изначально считавшихся взаимоисключающими. Речь идет о взаимодополнительности стадийно-эволюционного и локально-географического подходов, идеи прогресса и ценности традиций, конструктивистской и примордиалистской парадигм

¹ Eisenstadt Sh. N. Some Observations on Multiple Modernities // *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations* / D. Sachsenmaier, Sh. N. Eisenstadt, J. Riedel. BRILL, 2002. P. 27.

² Tiryakian E. A. On the significance of de-differentiation // *Macro-sociological Theory* / Shmuel N. Eisenstadt, H. J. Heckle (eds). Beverly Hills: Sage 1985; Dahrendorf R. *Reflections on the Revolution in Europe*. London: Chatto & Windus, 1990; Sztompka P. *Agency and progress: the idea of progress and changing theories of change* // *Rethinking Progress* / J. Alexander, P. Sztompka (eds). London: Unwin Hyman, 1990.

в исследованиях этничности и наций. Наконец, в монографии уделяется внимание не столько различиям между элитарными идеями и массовыми стереотипами, сколько взаимосвязи между ними.

Проверка гипотезы о продуктивности плюралистического подхода является важнейшей научной задачей настоящей работы. Такая верификация предполагает два вида сравнительного анализа этнополитических процессов: *стадиального анализа*, предполагающего сравнение разных периодов советской и постсоветской истории России, и *синхронного, регионального анализа*, связанного с выявлением различий в проявлениях этнополитических процессов в разных регионах Советского Союза и постсоветской России.

Я выражаю благодарность моим коллегам, помогавшим мне советами в работе над этой книгой и в профессиональной деятельности (Л. М. Дробижевой, О. И. Вендиной, В. А. Михайлову, В. И. Мукомелю, И. М. Клямкину и др.), но наибольшую — Сергею Федюнину, доктору политологии, преподавателю университета Сорбонна (Париж), моему ученику в НИУ-ВШЭ, соавтору совместных публикаций, самому внимательному и строгому критику моих сочинений. А еще я благодарю моих студентов, которые многие годы были не только слушателями и «получателями» информации от меня, но и во многом моими учителями.